

*А. Форрест**

ВОЕННАЯ ОККУПАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ В ХОДЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Для Наполеона военная оккупация не была самоцелью; скорее, это был первый этап процесса, который включал в себя установление на чужой территории верховной власти Франции и убеждение ее жителей служить ее более широким целям. Когда оккупационные войска сталкивались с оппозицией со стороны местного населения, они часто прибегали к насилию в отношении гражданских лиц. Оккупационная администрация занималась рекрутскими наборами, организовывала реквизиции и собирала налоги в пользу Франции. Оккупация редко пользовалась популярностью у тех, чья территория была оккупирована. Во время войны люди чувствовали себя оскорбленными и униженными. Солдаты оккупационных войск пользовались репутацией воров и насильников, однако, часто голодая и плохо снабжаясь, они имели мало причин проявлять сдержанность. Во время войны отношения между оккупантами и оккупированными часто характеризовались взаимной ненавистью, особенно там, где, как в Испании, Тироле или России, войска подвергались постоянным атакам партизан. Впрочем, все зависело от конкретных обстоятельств оккупации. Там, где местное население было пассивным и готовым выполнять требования империи, оккупанты и оккупированные могли достаточно мирно сосуществовать. А когда боевые действия заканчивались и оккупационные войска начинали играть роль армии, гарантирующей выплату репараций, отношения с гражданским населением могли стать почти гармоничными.

Ключевые слова: Наполеон I, Наполеоновские войны, оккупация, Реставрация, военная история

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-21-41

Обстоятельства, при которых различные народы и нации сталкиваются друг с другом в военное время, редко бывают благоприятными, и на протяжении всей истории гражданские лица всегда

** Алан Форрест, профессор ГАУГН, почетный профессор Университета Йорка, вице-президент Международной комиссии по Французской революции.*

Исследование выполнено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

имели основания относиться к вторгающимся армиям с настороженностью, если не с открытым недоверием. Во все времена солдаты воровали и грабили; добывали себе пищу и фураж, порой жестоко обращались с гражданским населением; а иногда насиловали и убивали. Но не это было целью оккупации, за исключением относительно редких случаев, когда считалось необходимым запугать гражданское население, чтобы вынудить его к покорности или сотрудничеству. Военная оккупация, в глазах армий и их правительств, была, в первую очередь, средством расширения влияния и присвоения территории, что составляло две главные цели дипломатии и войны. Оккупация – это средство, редко – цель сама по себе. Для Наполеона оккупация вражеской территории часто представляла собой первую фазу гораздо более амбициозного имперского проекта: внедрить французские институты на территориях, на которые он вторгся, распространить на их население порядки французского типа, ввести практики и поощрять нравы, которые позволили бы интегрировать эту территорию в его империю, короче говоря, сделать из бельгийцев и рейнцев, саксонцев и пьемонтцев законопослушных граждан своей империи, людей, которые понимают цели управления и проявляют готовность стать *управляемыми*, то есть людей, больше похожих на самих французов. Иными словами, это был культурный проект, часть того, что французы, как и любая имперская держава, стали рассматривать как свою цивилизаторскую миссию в мире. При этом ощущение собственной миссии было сильнее именно на периферии Европы, там, где французам было легче убедить себя в варварстве Другого, чуждости его ландшафта, его верований и его культуры¹.

В какой-то степени цель такой военной оккупации может рассматриваться как военная сама по себе – получить дополнительные сырьевые и людские ресурсы, помогающие вести боевые действия и удовлетворять собственные амбиции Наполеона, которые, казалось, не имели предела. Однако сколь бы насильственным часто ни был процесс оккупации, цель его заключалась не в расширении насилия, а в организации и структурировании последующего мира. Французская гегемония требовала повиновения и принятия французского подхода к государственному управлению и гражданскому обществу. Но взамен она давала преимущества, не

¹ Clarke J., Horne J. *Peripheral Visions: Militarized Cultural Encounters in the Long Nineteenth Century* // *Militarized Cultural Encounters in the Long Nineteenth Century: Making War, Mapping Europe*. Basingstoke, 2018. P. 1-21.

в последнюю очередь – единообразный статус и права, которые она предоставляла всем своим гражданам. Наполеон полагал, что предлагает европейцам то, что британский историк Стюарт Вулф назвал «лучшей (ибо наиболее рациональной) системой, выработанной в ходе истории; и, следовательно, наиболее подходящей для экспорта во благо народов, ныне “воссоединяемых” с французской нацией»². Оккупация позволяла государствам принять изменения и согласиться с навязыванием французских реформ и правовых принципов. Она обеспечивала условия, при которых люди оказывались вынуждены выбирать, и в этом смысле она была необходимой стадией строительства империи. Наполеон несколько не сомневался в том, что существует иерархия народов и государств, основанная на их способности управлять и определяющая их место в составе империи. Или, по выражению Юты Планерт, «во французском имперском воображении постепенно выстроился некий конгломерат макрорегионов и микроландшафтов, ранжированных в зависимости от их готовности принять французскую модель», что подкреплялось соответствующим принудительным перевоспитанием их элит, осуществляемым в ходе оккупации³.

Первоначальные контакты между французами и населением территорий, которые они оккупировали, как правило, сопровождались насилием. Насилие было в принципе свойственно армейской жизни, и солдаты, огрубевшие и ожесточившиеся за годы службы, имели мало причин менять свои привычки только потому, что они оказались в чужой стране. Командование, правда, было заинтересовано в поддержании хороших отношений с местными жителями, от которых оно часто зависело в плане продовольствия и постоя, пока войска стояли в их городах и селениях. Оно также было озабочено тем, чтобы не допустить ослабление дисциплины, которое могли породить бесконтрольные кражи и грабежи. Но здесь были и более циничные соображения: оно не хотело при проведении реквизиций сталкиваться с конкуренцией со стороны собственных солдат. Офицеры, да и целые армии, часто зависели от принудительных реквизиций, мало чем отличавшихся в глазах тех, кто им подвергался, от воровства и грабежей, к которым так часто приходилось прибегать обычным солдатам, чтобы

² Woolf S. French civilization and ethnicity in the Napoleonic Empire // Past and Present. 1989. № 124. P. 109.

³ Planert U. Napoleon and Beyond: Reshaping Power in Europe and the World // Napoleon's Empire: European Politics in Global Perspective. Basingstoke, 2016. P. 15.

прокормиться и сохранить остаток сил. В случае поимки мародеров и грабителей их ждало суровое наказание – по крайней мере, в некоторые периоды войны. В особых случаях их могли даже расстрелять на глазах у собственного полка в назидание другим. Но даже те армии, которые стремились искоренить мародерство, проявляли непоследовательность в обращении со своими солдатами, и хотя такие командующие, как Веллингтон, хвастались своей решимостью наказывать негодяев, их реакция на совершенные преступления была явно непоследовательной, ибо они прибегали к порке или смертным приговорам лишь тогда, когда того требовал политический контекст и когда они чувствовали необходимость успокоить местное общественное мнение. Наполеон был столь же непоследователен, иногда вовсе закрывая глаза на эту проблему, а иногда даже приводя в пример отдельных мародеров, чтобы поощрить других. Так, например, в 1809 г. в Вене, когда в предместьях города уже закипало недовольство, 22 французских солдата были преданы военному суду и приговорены к смертной казни за грабеж. Двое были казнены, а двадцать других получили прощение Императора. Но дело было сделано: Наполеон устроил публичную демонстрацию восстановления порядка и показал населению Вены, что никто не может стоять над законом. Это был важный урок. Когда французские войска совершали преступления, все должны были видеть, что их наказывают так же сурово, как и всех остальных⁴.

В действительности местные жители боялись всех армий, но армий, живших за счет земель, сквозь которые они проходили – как это делали французы – боялись больше других. Французские армии были более многочисленными и менее профессиональными по своему составу; они часто состояли из молодых новобранцев, избавившихся от социальных сдержек, которые накладывали на них семья и сельская община. Грабежи, кражи, изнасилования и надругательства над местными жителями не были единичными событиями, которые можно было бы списать на счет неблагоразумия или прискорбной случайности. Они происходили на всех фронтах, когда солдаты, не имея пищи и фуража для лошадей, оказывались в зажиточных областях или деревнях, где имелись запасы зерна и сена на зиму. Случалось – как это было в Испании

⁴ *Cadet de Gassicourt Ch.-L. Voyage en Autriche, en Moravie et en Bavière fait à la suite de l'armée française pendant la campagne de 1809. P., 1818. Цит. по: Ouvrard R. 1809. Les Français à Vienne: chronique d'une occupation. P., 2009. P. 153.*

или в России во время наступления французов – что эти действия активно поощрялись офицерами. Бывали и другие случаи – когда после успешной осады город сдавался, а войска, в соответствии с давней военной традицией, рассчитывали получить свободу действий над городом (и его жителями) в виде 24 или 48 часов самообогащения и сексуальных распутств. В таких условиях они использовали, как хотели, гражданское население, и нет никаких оснований полагать, что такое поведение рассматривалось самими солдатами как нечто такое, чего следовало бы хоть как-то стыдиться. Это была просто часть жизни военного времени, часть армейского опыта. Вторжение и оккупация вынуждали солдат и гражданских лиц вступать зачастую в нежелательный контакт с людьми, которых они не знали и не понимали, и они регулярно обращались с заявлениями о злоупотреблениях, насилии и разного рода мелких преступлениях. Понятно, что оккупационная армия не могла завоевать к себе симпатий, беря в заложники членов местной общины, чтобы обеспечить выполнение своих требований. Но это вовсе не значит, что Наполеон всегда стремился избегать запугивания гражданского населения, ибо оно могло иметь и собственно военное применение. Вторжение и оккупация могли быть реальным моральным фактором в принуждении другой стороны к уступкам. Или, как писал он сам, «устрашенный враг <...> идет на все жертвы, которых от него требуют <...> Всегда выгоднее вести переговоры <...> с правителем, который не покинул свою столицу и которому угрожают, чем с правителем, который был вынужден ее покинуть»⁵.

Сделала ли Французская революция этот аспект ведения войны сколько-нибудь лучше или, наоборот, еще хуже? Хотя многие из ее идеологических целей были сформулированы еще на раннем этапе, включая моралистические заявления о том, что французы не будут воевать с народами, а только с их угнетателями, реальность войны, даже во времена сражения при Жемаппе в 1792 г., была совершенной иной. По мере того как армия продвигалась на восток, на земли других держав, эти земли почти неизбежно становились в глазах французов «вражеской» территорией, и потребовалось принятие этого определения, чтобы развязать себе руки. К 1794 г. принцип жить за счет земель, в которые вступали французы, стал государственной политикой: не хватало материально-

⁵ Colson B. Napoleon on War. Oxford, 2015. P. 124.

технического снабжения, чтобы прокормить массовую армию, рассредоточенную по всей Европе, и одной из основных целей войны стал захват контроля над ресурсами, в которых была нужда. Вначале ответственность за грабежи, изнасилования и поджоги списывалась на «неконтролируемые» действия отдельных солдат, но вскоре начались поборы от имени правительства – в виде налогов, принудительных контрибуций, военных реквизиций, постоянной повинности или захвата произведений искусства и других сокровищ. Страны, которые были оккупированы, получали статус *raus conquis* (завоеванных стран – *примеч. пер.*) и рассматривались как завоеванные территории. Этот статус менялся только после подписания с ними мирного договора, когда режим оккупации уступал место более привилегированным отношениям – как с братской республикой. Но к тому времени уже был нанесен значительный ущерб, а сами отношения были установлены между двумя очень неравными силами – «оккупантами» и «оккупированными»⁶. Хваленые публичные заявления о свободе и братстве очень скоро забывались, а энтузиазм в отношении провозглашенных Революцией идеалов в странах, захваченных французскими войсками, оставался уделом лишь небольшого числа политических радикалов. Средства не соответствовали цели, и прав был Робеспьер, утверждавший, что свободу нельзя принести на острие штыка.

Страны, столкнувшиеся с французской оккупацией, слишком хорошо знали, какая судьба их ожидает, и не были склонны верить пропагандистским посланиям, исходившим из Парижа. Например, в июле 1794 г. принц Вильгельм Оранский направил правительству Голландии обращение, в котором настоятельно призывал его противостоять французским требованиям, указывая на то, что в настоящее время голландцы лучше подготовлены и могут рассчитывать на бóльшую поддержку союзников, чем это было в прошлом. Нельзя сдаваться, ибо, отмечал он, французские обещания ничего не значат в свете недавнего декрета Конвента, открыто провозгласившего военные цели, преследуемые Францией по всей Европе. Последние включали в себя «низведение всех стран и всех наций до уровня несчастной Франции», что интерпретировалось им как намерение «уничтожить религию наших отцов и ниспровергнуть основные законы государства, оплоты истинной

⁶ *Godechot J. Variations de la politique française à l'égard des pays occupés, 1792-1815 // Occupants, occupés, 1792-1815. Colloque de Bruxelles. 29-30 janvier 1968. Brussels, 1969. P. 25.*

свободы», которые стали бы в таком случае предметом переговоров с французами. Но, заявлял он, это вещи, «которые не могут и не должны обсуждаться, их надо просто поддерживать и укреплять». Французская оккупация могла означать лишь одно – уничтожение национальных традиций и навязывание голландскому народу иностранного режима. При этом воспоминания о прошлых военных оккупациях лишь укрепляли его решимость. По его словам, у голландцев не было другого выбора, кроме как сопротивляться, если они хотели избежать насилия, физического уничтожения и национального унижения⁷.

Конечно, речь шла не только о французах, хотя размеры французских армий и их, казалось бы, не встречавшее на своем пути сопротивление продвижение по материковой Европе в 1790-х гг. и в первое десятилетие XIX в. делали их главной дестабилизирующей силой и главной угрозой миру и стабильности. Отныне стало ясно, что оккупация – это нечто большее, чем просто вторжение иностранных армий или милитаризация повседневного существования: она несла с собой институциональное вмешательство и смену режима с целью привести другие страны в соответствие с французской моделью, новые системы государственного управления и правосудия, новые системы образования и охраны общественного порядка, новые правила судоходства и торговли. Во французах видели революционеров, стремившихся уничтожить традиционные обычаи, и, что многим казалось еще более пагубным, атеистов, чье появление ставило под угрозу религиозные верования и практики. Именно такими представляли они на популярных изображениях, предназначенных для широкой публики – окровавленные дикари, сыновья парижских санкюлотов и цареубийц, каздивших в 1793 г. Людовика XVI. При этом мало кого волновало, что состоявшие из призывников армии Наполеона в 1806 г. или 1809 г. были не слишком похожи на патриотически настроенных добровольцев II года или что наполеоновская Франция открывала перспективы построения высокоорганизованного общества, причем гораздо более меритократического, чем любое, известное в прошлом. Поддержка Наполеоном религиозного регулирования, заявленная в Конкордате, также не была достаточной для того, чтобы заставить замолчать его католических крити-

⁷ Архив Министерства иностранных дел, Москва. Инв. № 50.6. Д. 383 (Голландия, 1794 год). Меморандум Вильгельма, Принца Оранского, 14 июля 1794.

ков, особенно после того, как он оскорбил папу во время коронации, а его армии вторглись в Папское государство и удерживали в плену Пия⁸. Сложившуюся в народном сознании связь между Францией и беспорядком, анархией и безбожием оказалось трудно стереть или забыть.

Конечно, все армии способны вызывать недоверие и страх. По всей Европе издавна сложившиеся народные представления о других народах, некоторые из которых были основаны на фольклоре и народных преданиях, имевших хождение еще со времен Тридцатилетней войны, немало содействовали тому, чтобы испортить отношения между оккупирующей державой и теми, чью территорию она оккупировала. В XVIII в. солдаты имели сомнительную репутацию, особенно в сельской местности, где их часто считали безответственными бродягами, склонными к насилию и жестокости и не имеющими корней в местном обществе, которые позволили бы другим ручаться за их честность и неподкупность. Солдаты покушались на имущество, калечили животных, воровали еду, сжигали хозяйственные постройки; они были пьяны и лживы; они, изголодавшись по женскому обществу после многих месяцев, проведенных в полку, представляли постоянную угрозу для крестьянских жен и дочерей. Во всяком случае, так считало крестьянское общество, а циркулировавшие по ярмаркам и рынкам страшные рассказы об убийствах и моральных оскорблениях придавали этим верованиям еще большую убедительность. Для некоторых солдаты были бессердечными наемниками, набранными из отбросов общества, неотесанными молодыми людьми, заслуживающими виселицы. Однако к моменту Французской революции этот образ уже давно устарел: теперь в войсках было немало крестьянских парней, причем отнюдь не самых бедных, да и само формирование армии по призыву обеспечивало более тесные связи между военными и гражданским обществом. Но в разных частях крестьянской Европы сложившийся традиционный образ оказался на поверку весьма живучим. С другой стороны, жестокость, проявляемая многими крестьянами по отношению к раненым или голодным солдатам – как это было, например, в Испании или России – приводила к тому, что и солдаты тоже не доверяли крестьянам, опасаясь попасть к ним в руки. Опыт общения с гражданскими лицами подтверждал, что их предубеждения были

⁸ Hales E.E. *Y. Revolution and Papacy, 1769-1846*. L., 1960. P. 160-166.

не напрасны, а страх перед Другим отныне обретал конкретную форму. Солдаты и штатские ожидали друг от друга самого плохого, и поэтому, когда война сводила их, многие вели себя соответственно⁹.

К армиям других стран в основном относились с уважением, поскольку их офицеры участвовали в кампаниях против Наполеона, разделяя схожие представления о воинской чести и используя общепринятые методы ведения войны. Их также объединяла общая культура, а часто и общий язык, поскольку и австрийские, и прусские, и русские офицеры нередко хорошо владели французским. И даже там, где приемы боя и оружие отличались, как у казачьих полков в русской армии, их искусство верховой езды и воинская доблесть вызывали скорее уважение, чем раздражение. В Европе первого десятилетия XIX в. казачьи части принимали участие в походах коалиций против Наполеона. Но то были регулярные части, и в них сражались казаки, призванные на службу обычным путем. А в 1812 г. в России, когда война превратилась в Отечественную войну против захватчиков, казачье войско стало для французов настоящим кошмаром, особенно на Дону, где было мобилизовано все казачье население, каждый мужчина в возрасте от 17 до 55 лет, и за несколько месяцев было создано 22 полка. При этом французов поражало не только их искусство верховой езды, но и методы ведения войны. Как поясняет Шейн О'Рурк, казачье ополчение особенно отличилось, терроризируя врага, когда беспрерывно атаковало Великую армию во время ее отступления из Москвы. «Сражаясь с регулярной кавалерией, действуя в ближнем тылу врага как современные спецназовцы и соединяясь с партизанскими частями, воюющими глубоко во французском тылу, казаки еще раз продемонстрировали свою необычайную разносторонность во всех аспектах ведения войны». Они произвели глубокое впечатление на всю Европу, и когда казаки сопровождали царя во время его визита в Лондон в 1814 г., собравшаяся толпа громко приветствовала их. До тех пор неизвестный и довольно экзотический народ отныне получил известность и небывалое признание¹⁰.

Но что это были за предрассудки, расхожие идеи о людях, с которыми они прежде никогда не встречались и о которых ничего не знали из личного опыта? Прежде всего, эти предубеждения вра-

⁹ О насилии над гражданским населением во время Тридцатилетней войны см.: *Wilson P.H. Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. L., 2009. P. 469-470, 832-833.*

¹⁰ *O'Rourke Sh. The Cossacks. Manchester, 2007. P. 139-140.*

щались вокруг представлений о цивилизации, которые были привиты Просвещением и в дальнейшем усугублены революционной риторикой. Это не исключало здоровой любознательности, интереса к ориентализму и страсти к экзотике в искусстве и высокой культуре: почти повсеместно в Западной Европе вторая половина XVIII в. характеризовалась как раз такой страстью. Но идея о том, что народы бывают более или менее цивилизованными, что можно составить своего рода шкалу для оценки народов, на которой те будут располагаться в соответствии со своей культурой и ценностями, была весьма характерна для XVIII в. В своей корреспонденции с фронта французские солдаты регулярно выражали свое возмущение тем, что считали «нецивилизованным» поведением, то есть ведением войны не по правилам, в свое время установленным и в основном соблюдавшимся европейскими армиями, а именно: использованием партизанской тактики, антагонизмом со стороны местного населения в штатском, жестокостью, проявляемой, по слухам, крестьянами в отношении солдат их армии. Все это являлось признаком отсталости и культурной неполноценности. В глазах французов это были признаки отсталости и варварства¹¹. При этом те, кого осуждали, не обязательно были иностранцами: почти те же самые обвинения выдвигались революционными солдатами, столкнувшимися с повстанцами в Вандее в 1790-е гг. Нередко проводилась связь между цивилизацией и урбанизацией, отсталостью и сельской нищетой. Для северных европейцев, впервые отправившихся в путешествие по средиземноморским землям Испании или Южной Италии, бедность стала синонимом отсутствия цивилизованного поведения, а отсталость представляла в их описаниях как грязь и слякоть, необработанные поля, неупорядоченный ландшафт и неимущие батраки. Французы, куда бы они ни направлялись, сравнивали местных жителей и их обычаи с тем, что привыкли видеть во Франции. Очень похожие сравнения проводили пруссаки и австрийцы, когда они вступили в Восточную Европу, но они рассматривали цивилизацию с точки зрения деления Запад-Восток¹². Например, для радикального настроенного Георга Форстера, чьи идеи сформировались в его родной Рейнской области, первое знакомство с Польшей оказалось глубо-

¹¹ *Levasseur O.* Souvenirs militaires d'Octave Levassasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. P., 1914. P. 121-122.

¹² *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Palo Alto, 1994. P. 4.

ко шокирующим. Сельская местность была «грязной и необработанной», люди – «полудикими, полудивилизованными», а страна нечистой «как в моральном, так и в физическом смысле»¹³. Для многих участников вторжения, даже притом, что путешествия обогатили их опыт и расширили горизонты, избавиться от глубоко укоренившихся предрассудков оказалось невозможным.

Многое, однако, зависело от обстоятельств оккупации, а также от характера взаимодействий между оккупирующей державой и оккупированной территорией, между нациями или между солдатами и гражданскими лицами. Пока бушевала война, всегда существовала потенциальная возможность обострения ситуации, что могло испортить отношения и превратить оккупацию в конфликт: например, осада, в ходе которой город оказал длительное и дорого обошедшееся нападавшим сопротивление, или непрерывающаяся партизанская война, или акты неповиновения оккупантам. Даже в считавшихся союзными государствах, таких как братские республики, бунты или восстания на местах могли нарушить хрупкий мир и подорвать мирное сосуществование между оккупантами и местным населением. В Испании ходило немало рассказов – некоторые из которых были, без сомнения, преувеличены, поскольку передавались из уст в уста – о зверствах, совершенных гражданскими лицами против французов: ритуальные унижения военнопленных, незаконные пытки, истории о сексуальном унижении перед деревенскими женщинами. Этого было достаточно, чтобы превратить возмущение французов в ненависть и жажду мести. В таких условиях трудно было рассчитывать на милосердие, следовали случаи изнасилований, пыток и казней без суда и следствия. При этом замученные становились в каком-то смысле победителями, поскольку им удавалось нарушить установленную оккупантами дисциплину и объединить против них местное общественное мнение. В России также ходило множество историй о том, как пленных продавали местным крестьянам и фактически обращали в рабство, историй, которые способствовали тому, что предрассудки французов становились еще более нелюбимыми. Русские же все больше воспринимали войну с французами как войну, в которой Бог был на их стороне, как священную войну против неверных¹⁴. Взаимная ненависть бы-

¹³ *Liulevicius V.G.* The German Myth of the East, 1800 to the Present. Oxford, 2009. P. 51.

¹⁴ *Melnikova L.* Orthodox Russia against «Godless» France: the Russian Church and the «Holy War» of 1812 // *Russia and the Napoleonic Wars*. Basingstoke, 2015. P. 179-195.

ла не только следствием укоренившихся предрассудков. Во многих частях Европы, там, где территории ранее были оккупированы вторгшимися армиями, она также являлась результатом реального опыта, оставившего горькие воспоминания, которыми так умело воспользовались националисты девятнадцатого века. Свой вклад в это наследие в дальнейшем внесут мемуары, а также искусство. Действительно, сохранившийся до наших дней героический образ партизан – участников испанской войны за независимость против Франции – во многом обязан знаменитым гравюрам Гойи «Бедствия войны». Исторической же реальности он, видимо, обязан несколько меньше. Гойя принадлежит не столько истории испанского сопротивления, сколько истории создания очень мощной испанской национальной легенды¹⁵.

Уровень ненависти в Испании можно объяснить негативным опытом, свидетельствами произвола, взаимными оскорблениями, а также историями, которые люди, добавляя красочные подробности, рассказывали друг другу в кафе и барах. Еще более усиливал напряженность и повышал уровень враждебности между двумя сторонами тот факт, что в партизанские действия были вовлечены священники, которые, как считалось, занимались подстрекательством против французов. Совершаемые партизанами террористические акты вызывали неизбежную реакцию со стороны войск, поскольку их охватывал страх и, останавливаясь на ночлег в деревнях, они уже не в состоянии были различить, кто гражданское лицо, а кто партизан, у кого можно квартировать безопасно, а кто может убить их в постели. Как следствие, входя в деревню или селение, они уже заранее ожидали столкнуться с враждебностью, одновременно боясь местного населения и презирая его. С другой стороны, применение немотивированного насилия армией создавало свое собственное наследие ненависти и возмездия. В разгар жестокой войны предотвратить это было трудно. Французы знали, что им не рады в Испании. Они понимали, насколько глубоко католическое население оскорблено их открытым презрением к Церкви, проявлявшимся в грубом обращении со священниками, а также в устройстве конюшен для армейских лошадей в церквях и монастырях. Повстанцы же понимали, что их вооруженная борьба и обращение к террору неминуемо вызовет ответную ре-

¹⁵ Klein P.K. The Disasters of a People's War : Goya's Image of the Peninsular War // War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture. Basingstoke, 2012. P. 340-365.

акцию. Это были преднамеренные действия, а не просто проявления средиземноморского темперамента¹⁶. Многие из них даже хотели, чтобы французские солдаты отреагировали излишне резко и потеряли контроль над собой. Они приветствовали убийства и массовые расправы, которые помогли бы объединить местное население против французов – примерно так же, как двумя столетиями позже Фронт национального освобождения Алжира поощрял своих бойцов совершать самые страшные зверства против французских военных, их жен и детей в полной уверенности, что это самый верный способ спровоцировать солдат на бездумное возмездие. Это было доказательством – если тут вообще нужны доказательства – того, что оккупированный народ может нанести военным оккупантам серьезный ущерб и даже надеяться победить несмотря на значительное превосходство вооружений противника¹⁷.

Гнев и негодование могли стать боевым оружием против военных оккупантов, и любая чрезмерная реакция оккупирующей державы создавала для обороняющихся сил мощный пропагандистский эффект. Испания представляла собой крайний случай в силу уровня насилия и пыток: здесь ненависть не нужно было выдумывать или возбуждать. Но даже без подобных крайностей страсти могло разжечь само присутствие оккупационной армии в городе, а мелкие, сами по себе незначительные инциденты могли поднять уровень народного негодования. Оккупационные войска всегда привлекали к себе пристальное внимание простых людей, их поведение находилось под прицелом критики, каждое их действие могло подлить масла в огонь и развязать насилие. Более того, это могло произойти и в мирное время, без такого дополнительного стимула, как война – при условии, конечно, что имелись сильные взаимные подозрения и что присутствие оккупантов вызывало протест. Так, например, к концу 1760-х гг., воодушевленные растущим ощущением своей самодостаточности и народными требованиями большей автономии, многие в британских американских колониях стали возмущаться присутствием британских войск в портах и городах страны, а также их предоставленной им вседозволенностью, когда они могли прервать торговлю и начать допрашивать коммерсантов об их сделках. В марте 1770 г. в Босто-

¹⁶ Lafon J.-M. L'Andalousie et Napoléon. P., 2007. P. 104-111.

¹⁷ По поводу дискуссии о тактике инсургентов в Алжире см.: Aït-el-Djoudi D. La guerre d'Algérie vue par l'ALN, 1954-62 : L'armée française sous le regard des combattants algériens. P., 2007.

не в ответ на мелкие провокации, происходившие в ходе семнадцатимесячной британской оккупации, то, что было не более чем словесной перепалкой между солдатами и рабочими канатной фабрики, быстро переросло в насилие. Сначала это были мальчишки и ученики городского училища, бросавшие камни и снежки в британского часового, дежурившего у здания таможни. Затем, с прибытием военных подкреплений, этот инцидент за несколько минут перерос в нечто гораздо более серьезное – так называемую «бостонскую бойню», когда солдаты разрядили оружие в толпу, и у народа появились свои мученики. Трое молодых людей были убиты на месте, еще двое скончались от полученных ранений; шестеро других, в основном тоже молодых, то ли канатчики, то ли моряки, в дальнейшем оправались от ран. Но в годы, непосредственно предшествовавшие Войне за независимость, последствия этого расстрела были куда более долгосрочными. Дислокация в Бостоне британских войск оказалась «поворотным пунктом в радикализации бостонского общественного мнения». Ибо горожане видели их на каждой улице – ведь обойти контрольно-пропускные пункты было невозможно. По словам историка Ричарда Арчера, «размещение в Бостоне четырех полков в качестве полицейских сил для охраны британских чиновников, а не в качестве армии для защиты населения, свидетельствовало о том, что город был оккупирован как враждебная страна и что бостонцы рассматривались как вражеский народ»¹⁸. Это во многом способствовало изменению восприятия британцев американцами и пересмотру ими представлений о своем месте в Британской империи. И это оказалось важным поворотным моментом в общественном сознании американцев в преддверии войны с Англией в 1775 г.

Но не все оккупации были столь же насильственными или смертоносными. Не все они, на самом деле, приводили к возникновению движения сопротивления или сопровождалась боевыми действиями; имелись даже случаи, когда местные жители были рады приходу наполеоновских войск, встречая их как освободителей и приветствуя их появление на своей территории. Это были, совершенно очевидно, те случаи, когда народ не имел собственного государства или чувствовал себя угнетенным своими действующими правителями. Например, в Польше, в 1793 г. разделенной

¹⁸ Archer R. *As if an Enemy's Country: The British Occupation of Boston and the Origins of Revolution*. N.-Y., 2010. P. 228.

между Россией, Австрией и Пруссией, многие рассчитывали на помощь и поддержку Франции с ее революционно-освободительным наследием, а польские эмигранты в Париже даже создали польские легионы, чтобы сражаться за Цизальпинскую республику в 1797 г. Поэтому когда в 1806 г. армия Наполеона вступила на польскую территорию, большинство поляков восторженно приветствовали ее, по-прежнему рассчитывая, что Франция придет к ним на помощь в их борьбе за независимость. Не было никакой оппозиции; а потому не было и никакого призыва к насилию или репрессиям. Временные польские власти вместе с воинскими частями снабжали французскую армию продовольствием для ее похода на восток, а генерал Домбровский зашел так далеко, что призвал поляков поддержать оккупантов и приветствовать Наполеона как «мстителя и создателя» Польши. Здесь главной задачей Наполеона было не подавление польской оппозиции, поскольку ее просто не было. Скорее, ему важно было воздержаться от обещаний реформ, которые уничтожили бы его дипломатические усилия в других местах. Он знал, что не сможет открыто поддержать восстановление польского государства, не спровоцировав Австрию на новую войну против себя¹⁹. Точно так же христианское коптское население Египта имело мало причин противостоять оккупационной армии Наполеона в 1798 г. Цель, заявленная Наполеоном, состояла в том, чтобы освободить страну от деспотического правления османов – цель, которой они, естественно, сочувствовали и поэтому оказали оккупационным силам теплый прием. И пока французы сражались против их угнетателей, османов и мамлюков, копты с радостью поддерживали их и предоставляли им ценную логистическую поддержку, так что Наполеон уже готов был относиться к ним как к союзникам. Но когда кампания была выиграна и армия мамлюков разгромлена, стало ясно, что копты не хотят быть колонизированными Францией и не заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве. Отношения между двумя сторонами были сложными и изменчивыми, и, как объясняет Зейнаб Абуль-Магд, копты, как и некоторые арабские племена в регионе, разделявшие их ненависть к мамлюкам, «манипулировали французами и эксплуатировали их в своих собственных интересах»²⁰. В ситу-

¹⁹ *Czubaty J.* What lies behind the Glory?: a Balance Sheet of the Napoleonic Era in Poland? // *Napoleon's Empire*. P. 174-175.

²⁰ *Abul-Magd Z.* A Crisis of Images: The French, Jihad and the Plague in Upper Egypt, 1798-1801 // *Militarized Cultural Encounters*. P. 151-153.

ации вторжения и колониальной оккупации вести политические игры могут обе стороны, и европейцы проявляли недалёковидность, когда недооценивали народы, которые стремились колонизировать.

Пока продолжались боевые действия и армии Наполеона продвигались вперед, оккупация всегда имела шанс спровоцировать сопротивление, и даже если у некоторых групп имелись причины приветствовать прибытие иностранных войск как средство освобождения от еще большей тирании, они всегда составляли меньшинство. Оккупация обычно должна была быть навязана, и навязана силой. Но там, где оккупация имела место уже после окончания боевых действий, где вступление оккупационной армии являлось одним из предварительных условий мира, реакция оккупированного народа могла быть очень разной. В 1809 г. в Вене, когда мир был, наконец, восстановлен, настроение оккупационных войск резко изменилось – как и отношение к ним местного населения. Французские офицеры прогуливались по городу, щедро тратя деньги в магазинах, посещая театральные представления и даже устраивая парады и фейерверки в честь дня рождения Наполеона²¹. Они появлялись на публике, не рискуя подвергнуться нападению или оскорблению, гражданское население проявляло к ним терпимость и восхищалось их красивой формой и хорошими манерами, и им льстило такое лояльное, по крайней мере, внешне, отношение столичной публики. Возможно, отношения, установившиеся у них с местными жителями, были довольно хрупкими, и подозрительность к захватчикам так до конца и не исчезла. Но они могли позволить себе расслабиться в обществе австрийцев, что было бы невозможно в военное время, и у них не было причин прибегать к репрессиям, когда к ним приближались или обращались.

Аналогичные истории рассказывались об оккупации Парижа после окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо, когда Франция была оккупирована войсками победивших союзных держав и в Париже последовательно сменялись прусские, русские и британские части из состава оккупационных сил. Наполеон капитулировал и был сослан на остров Святой Елены; война закончилась, а Людовик XVIII вернулся на трон по условиям новой конституции, навязанной союзниками в Вене. Присутствие оккупаци-

²¹ *Ouvrard R. Op. cit. P. 173-187.*

онных войск имело целью поддержание мира и оказание давления на французское правительство, чтобы то соблюдало условия договора и выплачивало сумму, согласованную в качестве репараций.

Это было своего рода признанием вины, ответственности за недавний конфликт, и в этом смысле оккупация представляла собой унижение для Франции. И, конечно, в столице было немало людей, глубоко возмущенных тем, как унижительно обращалось правительство с наполеоновскими солдатами. Но у них не было причин бояться оккупационной армии, не было причин ненавидеть своих оккупантов как индивидов или пытаться отомстить. А потому отношения были намного проще. Солдатами в красивых мундирах можно было восхищаться, можно было общаться с ними как с личностями, как с живыми людьми, а не рассматривать их как постоянный источник угроз. Конечно, так вели себя не все: поступали сообщения о том, что солдатам оккупационных сил устраивали засады или их тихо убивали и хоронили в саду возле дома в деревнях Иль-де-Франса. Но такие эпизоды были редкостью. И хотя Веллингтон, несомненно, преувеличивал, рассказывая о том, какие хорошие отношения сложились между его войсками и оккупированным ими городом и как парижане грустили об их уходе после того, как были погашены все репарации, правда то, что они успели обосноваться в городе, пожить там рядом с парижанами и установить отношения с обычными людьми. Они были одеты в иностранные мундиры, но к 1817 г. они находились там уже нескольких лет и стали частью пейзажа. Любые предубеждения, которые могли существовать до оккупации, за это время успели рассеяться, поскольку французы и англичане жили бок о бок²².

Но мы не должны обманываться заявлениями британского правительства: они тоже были пропагандистскими и имели целью создание репутации британской армии как дисциплинированной и не представляющей угрозы. Конечно, многие жители Парижа были рады, что война закончилась, и рады, что Наполеон больше не был их императором, поскольку его присутствие было чреватой постоянной угрозой конфликтов. Но не все приветствовали реставрацию Людовика XVIII, и многие, причем не только военные, рассматривали навязанное мирное урегулирование как унижение. Ибо иностранные войска находились там не только для того, что-

²² *Haynes Ch. Our Friends the Enemies: The Occupation of France after Napoleon.* Cambridge, MA, 2018.

бы обеспечить выплату репараций. Они патрулировали город; они устраивали парады; они своим присутствием постоянно напоминали французам о полном и бесповоротном поражении, которое те потерпели после череды войн на протяжении жизни целого поколения. Их присутствие было также формой государственной пропаганды, напоминанием о том, кто на самом деле несет ответственность за реставрацию монархии. Толпы людей выходили посмотреть на них во время парадов – так же, как во время войны эти люди ходили смотреть на парады собственных войск, когда военная форма, лошади и сверкающее оружие – все это вместе взятое создавало ощущение силы и славы, вызывая у зрителей уважение и благоговение. Это была эпоха, которую Жак Антре охарактеризовал как «казаки на Елисейских полях»: незнакомые, довольно экзотические мундиры и оружие лишь усиливали ощущение, что это пришельцы из другого мира, а также ощущение полного поражения, с которым оккупированное население уже ничего не могло поделать. Но впечатление производили не только их внешность и дисциплина. Они олицетворяли собой власть, и это, как мне кажется, и было подлинным посланием того, что мы могли бы назвать уличным театром оккупации – грубой военной мощью, заключенной в этих солдатах, когда они маршировали и производили экзерциции перед парижской публикой. Они могли себе это позволить; они победили, и победили окончательно, даже если время от времени сталкивались с мятежами и неповиновением. И они не упускали возможности продемонстрировать парижанам масштаб этой победы²³.

Иногда же содержание такого политического послания было еще более радикальным: император французов окончательно проиграл; их политическая система опрокинута – произошло то, что на сегодняшнем языке мы называем «сменой режима». И проиграли французы не кому-нибудь, а своим братьям-европейцам, имевшим собственные цивилизованные нравы и собственную христианскую культуру. Таково, несомненно, было послание, которое попытался донести до парижан Александр I, когда, прибыв в оккупированный Париж, он, перед огромной толпой, собравшейся на бывшей *place de la Révolution*, на том самом месте, где некогда стояла гильотина и был казнен Людовик XVI, повелел провести торжественную службу по православному обряду в окружении

²³ Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées : L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 62-63.

солдат своей армии. Это было послание, которое, на самом деле, содержало в себе сразу две идеи, провозглашая одновременно две победы: победу военной силы над Наполеоном, с одной стороны, и победу христианских ценностей Александра над наследием Французской революции, которое он навсегда связал с Антихристом атеизма. Это было, как я полагаю, вдвойне мощное послание, переданное не только правительству в Париже, но и народу Франции, послание, которое стало частью театрального действия, коим была оккупация²⁴.

*Перевела с английского языка
доцент РГГУ Ю.В. Ткаченко*

Список литературы

- Abul-Magd Z.A* Crisis of Images: The French, Jihad and the Plague in Upper Egypt, 1798-1801 // Militarized Cultural Encounters in the Long Nineteenth Century: Making War, Mapping Europe / Ed. By J. Clarke and J. Horne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018.
- Ait-el-Djoudi D.* La guerre d'Algérie vue par l'ALN, 1954-62 : L'armée française sous le regard des combattants algériens. Paris: Autrement, 2007.
- Archer R.* As if an Enemy's Country: The British Occupation of Boston and the Origins of Revolution. New York: Oxford University Press, 2010.
- Cadet de Gassicourt Ch.-L.* Voyage en Autriche, en Moravie et en Bavière fait à la suite de l'armée française pendant la campagne de 1809. Paris: chez Huillier, 1818.
- Clarke J., Horne J.* Peripheral Visions: Militarized Cultural Encounters in the Long Nineteenth Century // Militarized Cultural Encounters in the Long Nineteenth Century: Making War, Mapping Europe / Ed. By J. Clarke and J. Horne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1-21.
- Colson B.* Napoleon on War. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Czubaty J.* What lies behind the Glory?: a Balance Sheet of the Napoleonic Era in Poland' // Napoleon's Empire.
- Godechot J.* Variations de la politique française à l'égard des pays occupés, 1792-1815 // Occupants, occupés, 1792-1815. Colloque de Bruxelles. 29-30 janvier 1968. Brussels: Université Libre de Bruxelles, 1969. P. 25.

²⁴ *Rey M.-P.* 1814: Un Tsar à Paris. P., 2014. P. 221-244.

- Hales E.E.Y.* Revolution and Papacy, 1769-1846. London: Eyre and Spottiswoode, 1960.
- Hantraye J.* Les Cosaques aux Champs-Élysées : L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris : Belin, 2005.
- Haynes Ch.* Our Friends the Enemies: The Occupation of France after Napoleon. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.
- Klein P.K.* The Disasters of a People's War : Goya's Image of the Peninsular War // War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / Ed. by A. Forrest, É. François and K. Hagemann. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- Lafon J.-M.* L'Andalousie et Napoléon. Paris: Nouveau Monde Éditions, 2007.
- Levavasseur O.* Souvenirs militaires d'Octave Levavasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris: Plon-Nourrit, 1914.
- Liulevicius V.G.* The German Myth of the East, 1800 to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Melnikova L.* Orthodox Russia against «Godless» France: the Russian Church and the “Holy War” of 1812 // Russia and the Napoleonic Wars / Ed. by J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- O'Rourke Sh.* The Cossacks. Manchester: Manchester University Press, 2007.
- Ouvrard R.* 1809. Les Français à Vienne: chronique d'une occupation. Paris: Nouveau Monde Editions, 2009.
- Planert U.* Napoleon and Beyond: Reshaping Power in Europe and the World // Napoleon's Empire: European Politics in Global Perspective / Ed. By U. Planert. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Rey M.-P.* 1814: Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014.
- Wilson P.H.* Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. London: Allen Lane, 2009.
- Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Palo Alto: Stanford University Press, 1994.
- Wolf S.* French civilization and ethnicity in the Napoleonic Empire // Past and Present. 1989. № 124.

MILITARY OCCUPATION AND CROSS-BORDER ENCOUNTERS IN THE NAPOLEONIC WARS

For Napoleon military occupation was not an end in itself; rather it was the first stage of a process that involved imposing French imperium on foreign territory and persuading its inhabitants to serve his wider goals. It won him few friends. When they encountered opposition from local people, occupying troops often resorted to violence against civilians, as they imposed administration and justice, conscripted soldiers, exacted requisitions and collected taxes for the benefit of France. Occupation was seldom popular with those whose territory was occupied. People felt bruised and humiliated in war; occupying soldiers had a reputation for theft, rape and violence; and soldiers, often starved of rations and with poor logistical support, had little reason to show restraint. In war the relations between occupier and occupied were often hateful, especially where, as in Spain, the Tyrol or western Russia, troops were subjected to persistent guerrilla attacks. But all depended on the circumstances of the occupation. Where the local population was passive and adjusted to the demands of empire, occupier and occupied could coexist peaceably. And once the fighting was over and occupying troops were acting as an army of guarantee for reparations payments, relations with civilians could be almost harmonious.

Keywords: Napoleon I, Napoleonic wars, occupation, Restoration, military history

*Alan Forrest, professor,
State Academic University of Humanities (Moscow);
professor emeritus of York University*